

Чу Цин ещё позавчера, когда Ли Тянь искал его, заподозрил неладное, а после общения окончательно уверился, что Ли Тянь всё притворяется. Теперь же, после произошедшего инцидента, Чу Цин был почти уверен — Ли Тянь не болен.

Какой же это депрессивный больной, если он повсюду строит козни, ссорится и затевает скандалы, а затем публично выставляет свою депрессию щитом, используя болезнь как разменную монету для запугивания других.

Даже если отбросить всё прочее, Чу Цин считал: даже если Ли Тянь и правда страдает депрессией, то совершивший проступок должен нести ответственность наравне с обычными людьми.

Чу Цин почувствовал лёгкое раздражение.

— Цинбао, пошли.

Хо Ли похлопал Чу Цина по плечу, прерывая его размышления.

— ...М-м.

Участники вернулись на сцену. Ван Шивэй сменил костюм, новый наряд не был столь эффектным, как предыдущий, специально подобранный под атмосферу песни, но пришлось довольствоваться и этим.

Происшествие за кулисами вызвало бурные обсуждения в прямом эфире.

[Бедный братик Ван! У Ли Тяня и правда проблемы с головой!]

[Эм, а по-моему, он слишком бодро скачет. Разве это похоже на депрессию?]

[Эй, наверху, депрессия бывает разной, окей?!]

[Тот, кто говорит, что Тянь притворяется — ты, что, шавка Цзяо Чансюя? Прикрой свой ник, спасибо. Тяньтянь и так несчастен, неужели нельзя его пожалеть?]

[Тяньтянь, 55555, мама любит тебя! Мама защитит! Бедный Тяньтянь, он всё время мучается, а его ещё все обижают.]

[5555, если бы не помощник, который из-за этого скандала проболтался, я бы так и не узнала, через какие унижения прошёл мой Тяньтянь!]

В чате прямого эфира разгорелись нешуточные баталии. У Ван Шивэя было не так много фанатов, поэтому основная битва развернулась между поклонниками Цзяо Чансюя и Ли Тяня.

Из-за этих споров хештег «Депрессия Ли Тяня» взлетел в тренды, что, впрочем, привлекло к шоу дополнительный поток зрителей.

Аудитория росла, все наперебой пытались выступить в роли судей, споря об инциденте, выясняя, кто прав, кто виноват, рассуждая о моральном давлении и снисходительности к больным.

Всё продолжалось до тех пор, пока ведущий не объявил имя Чу Цина.

— Встречайте, Чу Цин с композицией — «Тень красной вуали»!

Когда наконец настал черёд Чу Цина, количество зрителей в прямом эфире резко взлетело до пикового значения.

[Сижу, жду, когда его самого Ань Цзо раскритикует в пух и прах. Попкорн готов.]

[Мда, неизбежное всё же настало. Мой кумир, то, с чего началась моя любовь к опере... Эта классика будет уничтожена сегодня вечером?]

[Эм, посмотрим. Всё же стоит проявить немного доверия к музыкальному гению. Пусть его моральные качества оставляют желать лучшего, но талант отрицать нельзя.]

[Эй, наверху, будь тоже немного объективнее... Я смотрел прямой эфир с самого начала и не заметил за ним каких-то проблем... Всякую чушь могут написать, но о характере человека нужно судить по тому, что видишь своими глазами.]

Среди всеобщих споров Чу Цин неторопливо вышел на сцену.

Посреди сцены стояло пианино, что вызвало всеобщее удивление.

Неужели основным инструментом будет пианино...?

Чу Цин сел за инструмент. Красная вуаль соскользнула со стула и упала на пол, словно кроваво-красный водопад — невероятно красивое зрелище.

Затем все огни на сцене погасли, остался лишь один луч, направленный на пианино.

Прозвучала первая нота.

Чу Цин закрыл глаза. Никто не знал, о чём он думал, но каждая клеточка его тела была отдана этой музыке.

Ты скрываешься за той красной вуалью...

Смотришь на цветы сквозь туман...

Смотришь на красавицу сквозь красную вуаль...

Пение Чу Цина было немного торопливым, с лёгкой, будто невольной, одышкой. Мелодия ускорялась, от медленной и плавной переходя к стремительной. Казалось, какая-то эмоция вот-вот вырвется наружу, переполнив всё вокруг.

И всё же сама мелодия оставалась невероятно чистой, а голос исполнителя — кристальным.

Такая безупречная, и в то же время такая волнующая воображение.

Это исполнение заставило зрителей в полной мере ощутить, что значит быть одновременно и чувственным, и невинным.

Черты лица Чу Цина в свете софитов казались нереально идеальными.

Любимый мой...

Не ядом ли для тебя станет та вуаль, что я снимаю...

...

Внезапно комментарии в чате поутихли. Лишь изредка появлялись реплики о том, что до Ань Цзо ему далеко, или что он поёт как-то странно, но эти единичные голоса терялись, словно клоуны, играющие в пустом зале.

Когда настал кульминационный момент песни, Чу Цин внезапно прекратил играть.

У зрителей перехватило дыхание.

Музыка смолкла. Чу Цин глубоко вдохнул и начал тихо напевать.

Без слов, лёгкое напевание, от природы чистый голос, парящий и переливчатый.

И наконец, стремительная музыкальная фраза поставила точку в этом выступлении.

...

Тишина.

А затем аплодисменты, готовые, казалось, сорвать крышу зала.

— Это... Это невероятно! Просто великолепно! — ведущий, выходя на сцену, ещё не мог прийти в себя, его лицо пылало от волнения. — Это действительно совершенно иная «Тень красной вуали»!

Изначальная «Тень красной вуали» была соблазнительной, а версия Чу Цина — одновременно нежной и демонической, настоящим воплощением притворства и искушения.

Совершенно особое очарование.

— Спасибо, — кивнул Чу Цин.

Чат взорвался.

[Ёооооооо!!!! Да кто он такой?!?! Небожитель! Музыкальный гений, не зря же о тебе говорят!!]

[Невероятно красиво, совершенно иное ощущение. Очень новаторски, немедленно добавляю в плейлист на повтор!]

[Он так классно играл на пианино!! Такой чистый, такой прекрасный человек. Кажется, он питается нектаром цветов и растёт на ватиканских лугах?! Разве могут быть у него какие-то компроматы!]

[То, что аранжировка хороша — одно дело. Но та аура, с которой Чу Цин пел... Просто нет слов!]

Сплошные восторги.

Конечно, не обошлось без едких замечаний, но они не могли затмить достоинств.

[Да с оригиналом учителя Ань Цзо и сравнивать нельзя! Жалко учителя Ань Цзо, таким бездарям приходится подыгрывать ради хайпа.]

[Это же чёртова пародия! Отвратительно, извратил хорошую песню до такого состояния, полностью утратил первоначальную уникальность!]

[Не понимаю, почему всем так нравится? Я вообще ничего не уловил. Я что, один такой?]

Но эти голоса были заглушены лавиной похвал и ответных нападок.

Возможно, в искусстве и нет категорий «выше» или «ниже», но эта песня Чу Цина завоевала признание большинства.

Ведущий задержал Чу Цина для короткого интервью:

— Учитель Чу, откуда вы черпали вдохновение? Почему вы решили изменить композицию именно таким образом?

Чу Цин подумал и покачал головой:

— Просто захотелось изменить именно так... Озарение.

— Понятно. А когда писали эту песню, было ли у вас особое чувство благодарности кому-то? — улыбнулся ведущий. — Может, произошло что-то особенное?

Этот вопрос задавали каждому участнику. Кто-то благодарил родителей, кто-то упоминал других участников, наставников, близких — чтобы привлечь внимание.

Но имя Хо Ли Чу Цин не хотел упоминать перед камерами, поэтому он просто покачал головой.

Ведущий в шуточной манере спросил:

— А недавно вы с учителем Чу довольно близко общались, не так ли? Помогал ли вам Тяньтянь?

Выражение лица Чу Цина не изменилось, голос оставался ровным и бесстрастным:

— Нет.

...

Наступила та самая неловкая тишина.

В прямом эфире также воцарилась тишина — все были ошарашены неожиданной прямолинейностью Чу Цина.

Произнося это «нет», Чу Цин не вкладывал в него ни капли шутки или насмешки.

Он был абсолютно серьёзен... просто констатировал факт, с той же обыденностью, с какой спросил бы: «Ты поел?»

Даже выдавший виды ведущий окаменел.

[Ха-ха-ха-ха-ха, ведущий, ты как, живой? Вызываю ведущего!]

[Ведущий говорит: мне так тяжело.]

[Ха-ха-ха-ха-ха, Чу Цин и правда забавный, оказывается.]

[Мда, почему весь мир ополчился против моего Тяньтяня!! Бедный мой Тяньтянь...]

— Ха, ха-ха... — ведущий с трудом вернул себе дар речи, покачал головой и с улыбкой сказал:

— Ну, конечно, учитель Чу настолько талантлив, что, находясь рядом с ним, Тяньтянь, вы, естественно, учились у него.

Ли Тянь, сидевший среди участников, тоже взял микрофон и с улыбкой произнёс:

— Да, да... Учитель Чу меня многому научил.

Ведущий, видя, что Чу Цин, кажется, собирается что-то добавить, поспешил прервать его, расточил несколько комплиментов в адрес Чу Цина и затем поспешил проводить этого «небожителя» со сцены, объявив следующего участника.

Следующий участник был малоизвестным певцом, но с неплохими способностями. А за ним... выступал Ли Тянь.

На этот раз Ли Тянь показал яркое и впечатляющее выступление, аранжировка песни была свежей и интересной. Пусть вокал и хромает, но по части аранжировки он, пожалуй, превзошёл большинство присутствующих — за исключением Чу Цина.

<http://bllate.org/book/15588/1395555>